

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Живой камень

от природы к культуре

МОСКВА 2015

УДК 55+622.1:3+7/8(082)

ББК 26.31+30.3:6/8я43

Ж67

*Издание осуществлено при поддержке Российского научного фонда,
проект «Живой камень: от минералогии к мифопоэтике»
(№ 14-18-02194)*

Рецензенты

член-корреспондент РАН А. Е. Аникин,
академик РАН Г. Ф. Коваленко

Оригинал-макет В. С. Полиловой

Живой камень: от природы к культуре / Отв. ред. и сост. Л. О. Зайонц.
Ж67 — М.: Институт мировой культуры МГУ, 2015. — 222 с.

ISBN 978-5-4465-0866-2

В книге собраны работы по проекту «Живой камень: от минералогии к мифопоэтике» (Институт мировой культуры МГУ). В центре внимания — *камень* как элемент картины мира, *камень* в ракурсе гуманитарных и естественных наук (от семиотики до минералогии). В *камне*, символе неподвижности, холода, смерти, открывается новая ипостась: он движется, растет, дышит, видит, говорит, он *живет*. Мифология и ритуал, фольклор и литература, изобразительное искусство разных традиций, разбросанных в пространстве (от Японии через Евразию до Нового Света) и во времени (от древних хеттов до современных балтов и славян), представляют *камень* одновременно и *мертвым*, и *живым*. Сложить текст и словарь *живого камня*, где в общей картине сохранена индивидуальность каждого ее элемента, обозначить новую перспективу «каменной темы» — такова цель авторов книги.

Для специалистов в области семиотики, истории культуры, филологии, культурной антропологии, этнографии, для всех, интересующихся проблемами исследований на стыке гуманитарных и естественных наук.

На обложке — фигурка из мелового камня, найденная
при раскопках Тель Моца близ Иерусалима, VIII–VII тыс. до н. э.

УДК 55+622.1:3+7/8(082)

ББК 26.31+30.3:6/8я43

© Авторы статей, 2015

© Институт мировой культуры МГУ, 2015

© Оформление Л. О. Зайонц, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Вяч. Вс. ИВАНОВ О культе камней в Малой Азии и Сирии в III–II тысячелетии до н. э.	7
Вяч. Вс. ИВАНОВ Рожаящая гора и рождение от камня	25
М. И. НОВГОРОВОДА Живое и косное: проблемы эволюции минерального вещества	41
С. И. ЛУЧИЦКАЯ «Камни живые и драгоценные» (<i>lapides vivi et pretiosi</i>): несколько замечаний относительно одной средневековой метафоры	54
Д. В. ВАЛЬКОВ Камень в средневековом итальянском городе: локус дороги и площади	61
Н. В. ЗЛЫДНЕВА Понятие кристалла в науке об искусстве: от А. Ригля к А. Габричевскому	85
Т. В. ЦИВЬЯН Об энантиосемии камня: <i>неподвижность versus движение</i>	100
Л. О. ЗАЙОНЦ Lapis ludens: кёрлинг	111

М. В. Завьялова

«Камень без крови, вода без крыльев» в балтийской традиции:
к слиянию живого и неживого 122

Т. В. Володина

Люди и камни:
метаморфозы и коммуникация
(белорусская традиция) 133

В. Л. Кляус

«Живой» камень в заговорно-заклинательных текстах
славян и коренных народов Сибири 146

В. Л. Кляус, Д. Г. Чубукова

«Живые» камни на русских могилах 154

В. С. Полилова

Индийская легенда о Фуре и Тене:
окаменение живого 170

Е. С. Штейнер

Камень в японской традиции 179

Н. М. Азарова

Графика воды и графика камня в
классическом китайском стихотворении:
возможно ли это передать в переводе?
(на материале поэзии Ду Фу) 194

Хроника

206

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Живой камень: от природы к культуре» открывает проблему, прежде не попадавшую в спектр системного научного изучения. Это ее первый опытный срез и одновременно — предварительный итог проекта Института мировой культуры МГУ «Живой камень: от минералогии к мифопоэтике»¹. Само название проекта звучит как оксюморон, но именно оно центрирует идею, объединившую авторов предлагаемого коллективного исследования. В центре внимания — культурный феномен *живого камня*, увиденный сквозь призму комплексного знания: истории культуры, семиотики, филологии, культурной антропологии, этнографии, минералогии. В естественных науках свойства камня подробно описаны, и тем не менее он продолжает оставаться загадкой, иррадиирующей в область гуманитарного знания. В фольклоре и мифологии, в литературе и искусстве собран обширный материал по камню — преимущественно, в эмпирическом ракурсе, однако эти данные, при всем их богатстве и разнообразии, остаются в определенном смысле несистематизированным сводом фактов с попыткой их истолкования на уровне частных случаев. Теоретически «роль» камня в поликультурном пространстве до сих пор не изучена.

В архетипической модели мира камень устойчиво ассоциируется со вторым членом универсальной оппозиции жизнь/смерть (*камень=смерть, мертвый камень*), символизируя неподвижность, холод, немоту, забвение и т. д. Эта его ипостась описана достаточно подробно. Однако, при выходе за ее пределы обнаруживается, что существует и контрастная ипостась камня: он двигается, растет, дышит, видит, слышит, разговаривает — он воплощает жизнь. Примечательно, что и то, и другое основано на объективных (физических) свойствах камня, и каждая из этих двух ипостасей генерирует собственное семиотическое пространство, в котором текст «живого камня» пока остается *terra incognita*. Сегодня представления о камне как о «живом существе» только начинают разрабатываться, и мощным стимулом к этому являются набирающие все большую силу исследования на стыке точных, естественных и гуманитарных наук. Именно поэтому для анализа «живого камня» предлагается использовать междисци-

¹ Грант РНФ № 14-18-02194. В сборник вошли материалы исследований (в том числе полевых), которые были представлены участниками и гостями проекта на семинарах, конференциях и симпозиумах, проведенных ИМК МГУ в 2013–2015 гг. (см. раздел «Хроника» наст. изд., с. 206–222).

плинарный подход, где камень может быть рассмотрен с самых разных точек зрения: как объект неживой природы (его происхождение, структура, физические свойства); как объект живой природы (движущиеся, растущие, дышащие камни, камни-растения; камни в человеческом организме); как элемент культуры (игровые камни, культурные артефакты, реликвии, архитектурные объекты, памятники, надгробные камни); как часть архетипической модели мира (древние культы, ритуалы, мифология); как многофункциональная метафора (художественные/поэтические тексты, изобразительное искусство, язык). В каждой из этих категорий определение «живой» будет иметь свое значение, а, значит, потребовать теоретического обоснования. Именно такой подход, по мнению авторов сборника, позволит вскрыть заложенную в камне энантиосемию (жизнь ↔ смерть, объект природы ↔ объект культуры) и попытаться найти истоки этого в его физических свойствах.

Разумеется, в самой концепции проекта с его установкой на семиотическое многоязычие существуют и подводные камни: попытка объединения различных школ, традиций, научных языков и методов, не говоря уже о материале — предприятие во всех смыслах рискованное, грозящее обернуться рассыпавшейся мозаикой. Однако с самого начала ключевой идеей замысла была открывающаяся (пусть и при неизбежном риске) возможность сформулировать новую и одновременно органичную для самых разных областей знания научную проблему, освоение которой осуществлялось бы по принципу «сообщающихся сосудов». План представляется продуктивным: он обнаруживает в самых удаленных друг от друга научных областях неожиданные «спорные территории», а в работах участников проекта — контуры постепенно складывающегося пазла: текста и словаря живого камня. Именно по этому принципу — разнообразия способов в освоении территории — и собраны вошедшие в сборник публикации. Его открывают работы Вяч. Вс. Иванова, предлагающие программный — стереоскопический — взгляд на проблему, закладывающий фундаментальное представление о ее возможном научном и предметном диапазоне.

Выражаем искреннюю благодарность всем друзьям и коллегам, поддержавшим проект и активно участвовавшим в его работе.

Е. С. ШТЕЙНЕР

Камень в японской традиции

Мифологема камня занимает одно из главных мест в японской культуре. Часто это камни живые: порождающие, растущие, убивающие. Камень (*сэки* или *иси* 石) и его разновидности (скала: *ган/ива* 岩, валун *бан/ива* 磐 и др.) постоянно фигурируют в мифах и легендах, где часто играют сюжеттообразующую роль. В этой статье я рассмотрю основные вехи, связанные с живыми камнями, от первых креационных мифов до современных поверий и обрядовых практик.

В первых японских письменных памятниках «Кодзики» и «Нихон сёки», объединяющих в себе мифологические компендиумы от сотворения вселенной и земли до первых веков мифологизированной истории японского государства, так рассказывается о миропорождающей деятельности пары божеств Идзанаги и Идзанами: «Изанаки-но микото, Изанами-но микото, став на Небесном Плывущем Мосту, друг с другом совет держали и рекли: «А нет ли там, на дне, страны?» И вот, взяли Небесное Яшмовое Копье, опустили его и пошевелили им. И нащупали они синий океан. Капли, падавшие с острия копья, застыли и образовался остров. Имя ему дали Оногоро-сима. Два божества тогда спустились на этот остров и восхотели, заключив брачный союз, породить земли страны» («Нихон сёки», 1:4)¹ (илл. 1). Название этого первоострова с точностью не поддается этимологизации. Бэзил Холл Чемберлен, первый переводчик «Кодзики», считал, что это «самотвердеющий остров» [Kojiki 2005: 21], японские комментаторы трактуют это как «остров Наш-ребенок (*оно ко*). Так или иначе, в иероглифической записи названия Оногоро присутствуют иероглифы с значениями «камень». В «Кодзики» это 淤能碁呂 (св. 3:3), а в «Нихонсёки» — 礪馭慮 (св. 1:4). Иероглифы эти соответственно 碁 и 礪. Разночтения проистекают от того, что китайские знаки использовались в то время фонетически для записи японских топонимов и прочих имен, но немало важно, что для передачи этого названия так или иначе были выбраны

¹ Перевод Л. М. Ермаковой [Ермакова 1997]. Транскрипция имен божеств приближена переводчиком к древнеяпонскому звучанию и отличается от принятой.

иероглифы с детерминативом «камень». Можно сказать, что камень — в виде метафоры окаменения пены (стекающей с божественного копья — т. е. метафоры божественной спермы Идзанаги) — служит камнем основания (foundation stone) или краеугольным камнем в японской картине мира. Оногоро, этот остров-камень, можно типологически уподобить Камню мироздания (или Влагодпитающему камню — Эвен ха-штия אבן היתיה) в еврейской традиции (см. Талмуд, Йома 54б), с которого началось творение и который лежит в основании Храма. Однако в отличие от Эвен ха-штия Оногоро-сима в японской религиозной практике почитается несравненно меньше. Известно лишь, что большой круглый камень под названием Оногоро почитается в качестве божества места и одновременно божественного предка пяти родов, восходящих к древнему аристократическому клану Фудзивара в уезде Китакома области Судамы провинции Яманаси. Вокруг него выстроен небольшой каменный (материал нехарактерный для японского церковного зодчества) храм [Caillet 1997: 89].

Далее в мифологических сводах образы камня играют весьма существенную роль. Так, после совместного порождения множества божеств Идзанами умирает и переходит в Страну мрака (Ёми-но кuni), представляющую собой японский вариант царства мертвых, где телесно и неприглядно разлагается. Не предполагавший этой неблагоприятности и тоскующий по жене Идзанаги спускается в Страну мрака, где видит, что случилось с его женой и пугается.

Она же, устыдившись и разгневавшись, хочет его уничтожить. Идзанаги спасается бегством, и от погони неистовой супруги (точнее, посланной ею страховидной женщины-демоницы Ёмицусикомэ) его спасает только

Илл. 1. Кобаяси Эйтаку. *Идзанаги и Идзанами*,
Ок. 1885. Шелк, тушь.
Музей изящных искусств. Бостон

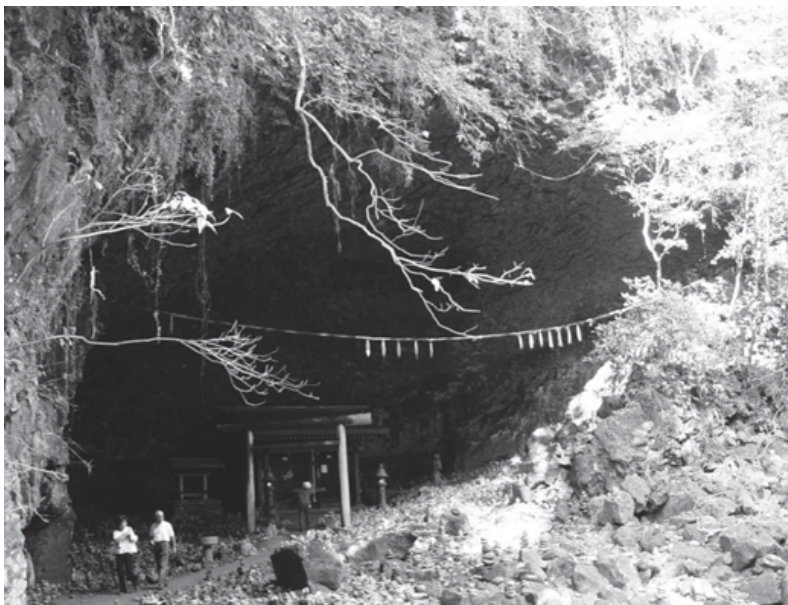
огромный камень (скала — *бандзяку* 磐石), которым он замыкает вход/выход из Ёми-но кун («Нихон сёки», св. 1, 5:7). Так камень становится преградой или межой между миром живых и мертвых. В «Кодзики» в этом эпизоде фигурирует еще посох Идзанаги, который он метнул в преследовательницу. Посох превратился в камень продолговатой формы и стал духом (или божеством) границ и меж под именем Саэ-но ками (Бог преграды 障の神). Он и по сей день представлен в сельских районах Японии узкими высокими стелами, поставленными на границах деревни или поля. Иногда эти камни называют просто Каменный Бог (Сякудзин 石神), а еще — из-за продолговатой формы и присутствия на границах и перекрестках — его отождествляют с божеством Досодзином, покровителем дорог и прокреации (илл. 2).

Илл. 2. «Светлейший бог» (это на нем написано) Досодзин, он же Саэ-но Ками.
Итифаллическая скульптура близ святилища Тикокуся в Одавара

В процессе ритуального очищения после бегства из области смерти Идзанаги породил богов солнца (из левого глаза), луны (правого) и бурного ветра (из носа). Сусаноо, божество ветра, использует драгоценные каменные подвески из яшмы (или нефрита — магатама) в форме зародыша или головастика для порождения следующего поколения божеств. Для этого он разжевывает пятьсот магатама и выплевывает каменную кашицу — из которой и рождаются младшие боги («Нихон сёки», св. 2, 6:1). Этих новорожденных забрала и воспитала его сестра Аматаэрасу, богиня солнца, в акте постоянного соперничества с братом. После последующей серии его жестоких и разрушительных выпадов, Аматаэрасу рассердилась и удалилась в небесную пещеру, закрыв вход каменной дверью (*ивато* 岩戸). Таким образом, камень служит преградой между светом и тьмой (днем и ночью) в этом основопола-

гающем японском мифе — о сокрытии солнечной богини в пещере («Нихон Сёки», св. 2, 7:1). В память об этом событии на предполагаемом месте близ пещеры в скальной местности Такатиho префектуры Миядзаки (хотя речь шла о том, что дело было на небе), устроен популярный и поныне синтоистский храм Небесной Каменной Двери (Ама-но Ивато дзиндзя) (илл. 3).

Илл. 3. Пещера Аматаэрасу, Святилище Ама-но Ивато дзиндзя.
Такатиho, префектура Миядзаки

Аматаэрасу удалось хитростью выманить, и когда она приоткрыла дверь, силач по имени Амэ-но Тадзикара О-но ками (Небесный Боже-ственный Муж Сильные Руки 天手力男神) обхватил каменную преграду и далеко ее отставил. В воспоминание об этом событии неподалеку от святилища установлено в недавнее время изваяние силача с каменной дверью над головой (довольно диснейлендское, впрочем, изваяние — илл. 4).

В следующем свитке «Анналов Японии» повествуется о похождениях Ниниги-но микото — небесного потомка (или царственного внука) солнечной богини Аматаэрасу. В истории о его выборе в жены одной из двух сестер и последующей судьбе человеческого рода камень играет самую важную роль. На берегу моря он увидел красавицу, которая ответила ему, что зовут ее Ко-но Хана-но Сакуя-химэ (Древесных Цветов Распустившиеся Бутоны 木花開耶姫). На предложение царственного внука вступить в брак девушка ответила, что у нее еще есть старшая сестра по имени Иванага-химэ (Долговечная скала 磐長姫), и вообще надо спросить разрешения отца. Отец выставил сто столиков с угощением и двух дочерей на выбор. Поскольку старшая показалась Ниниги-но микото уродливой (использован иероглиф, состоящий из элементов «пьяный» и «черт, бес» — 醜), он ее отверг.

Илл. 4. Амэ-но Тадзикара О-но ками

В результате Иванага-химэ почувала великий стыд и прокляла его потомство: «Если б Небесный потомок меня б не избегал и приблизил, то рожденное им потомство жило б долго, подобно скалам. Теперь же, когда он так не содейл и призвал только одну младшую, пусть от нее рожденное

потомство будет [скоротечно] меняться, опадая, подобно древесным цветам». Вот почему, добавляет один древний комментарий, «нашего мира людям суждена короткая жизнь» («Нихон сёки», св. 2, 9:3). Отсюда, вероятно, проистекает (или здесь рационализована) пресловутая любовь ко всему недолговечному, эфемерному, увядающему — как лепестки сакуры, и уважительно-опасливое поклонение скалам и камням.

Илл. 5. Ивакура. Перфектура Сидзуока

С архаических времен местами поклонения служили пещеры, необычного вида конфигурации камней или отдельные камни. Их все называли *ивакура* («камень-вместилище 磐倉・岩倉) или «камень для сидения» 磐座). Считалось, что на этих камнях (или в этих пещерах) отдыхали боги, сходя на землю, а впоследствии они воплотились в эти камни.

Известная ивакура в префектуре Сидзуока представляет собой большой валун с крутыми склонами и углублением, перед которым установлен маленький колодец-водоем для ритуального омовения (илл. 5).

Множество камней по всей Японии считаются живыми каменными божествами (*исигами* 石神) — например, за священным водопадом в храме Мацуо-тайся в Киото. Это, как правило, камни необычной формы или обнаруженные в необычном месте. Согласно синтоистским представлениям, они считаются телом божества (*синтай* 神体). Часто их обвязывают особой веревкой (*симэнава* 標縄), изготовленной из рисовой соломы с вплетенными в нее бумажными или соломенными же фестонами и кисточками (*сидэ* 紙). Симэнава вокруг камня обозначает его сакральный статус, а симэнава огораживающая территорию служит для демаркации священного пространства и/или объекта² (илл. 6).

Священные камни бывают мужские и женские. Наиболее знаменитые — это, пожалуй, Камни-супруги (*мэото ива* 夫婦岩) — две небольшие скалы близ побережья в Футами, префектура Миэ, неподалеку от Великого святилища богини Амаэрасу в Исэ. Они считаются воплощением первопары Идзанаги и Идзанами. Соединяющая их симэнава воплощает сакральный принцип связывания, или божество Мусуби-но ками. Любопытно заметить, что весит эта симэнава около тонны, и ее меняют три раза в год (или чаще, если она быстрее разрушается из-за высоких волн) с соответствующими обрядами (илл. 7).

Священными обителями божества, а точнее, живыми божествами, бывают не только камни-валуны-скалы, но и целые горы. Наиболее знаменита из таковых, пожалуй, гора Фудзи (или Фудзи-сан, более известная по-русски как Фудзияма). Однако несмотря на то, что в Новое время она служит воплощением красоты и чистоты, и на нее совершают многотысячные восхождения — скорее, впрочем, с туристическим, нежели с паломническими целями, гора Фудзи в древности и на всем протяжении средних веков пользовалась не самой доброй репутацией и воспринималась с опаской. Вероятно, здесь сказалось то, что Фудзи была (и есть) действующим вулканом, а на вершине ее часто лежит снег и дуют пронзительные ветры. Более привлекательной и расположенной к людям считалась другая гора, Цукуба. Известно, что еще в доисторические времена в седловине между двумя ее вершинами — Дантай и Дзётэй, или, соответственно, Мужской и Женской, собирались местные жители на сезонные оргиастические обряды, связанные с культами плодородия. В ранних письменных памятниках эти обряды называли «песнями диких людей» (*кагаи* 儺歌) или «песенной плетенкой» (*утагаки* 歌垣), ибо ритуальный обмен песнями между мужчинами и женщинами непосредственно предшествовал сплетению рук, сплетению ног, или прокреативным практикам.

² Камням-божествам *исигами* посвящена ранняя работа основоположника японской фольклористики Янагита Кунио [Янагита 1910].

Илл. 6. Ивакура в святилище Инари в Фусими

Илл. 7. Мэото-но ива

Это было время для молодых людей найти себе пару, а для людей постарше — поменяться партнерами. Культ плодородия и прокреации предполагал ритуальный обмен женами на время праздника. Несколько песен-кагаи с горы Цукуба записал столичный чиновник-поэт Такахаси Мусимаро 高橋虫麻呂, побывавший в тех краях в 30-е годы 8 в. по служебной надобности. Вот одна из них:

На горе Цукуба
Где живут орлы,
Около колодца Мохакицу
Ищем друг друга в песнях кагаи.
Я поищу чью-то жену,
А с моей женой будет кто-то.
Боги, на этой горе живущие,
Заповедали такое от века.
Так что не избегай это ныне,
И никого не вини.

(«Манъёсю», 1759. Пер. мой. — *Е. III.*)

Гора Цукуба при этом противопоставлялась горе Фудзи. В основе этого лежит древняя легенда, зафиксированная в «Хитати Фудоки» («Описание земли Хитати», 8 в.):

Старики рассказывают: в древности бог прародитель объезжал горы обиталища богов. Когда он достиг горы Фудзи в провинции Суруга, наступил вечер, и он стал просить ночлега. Тогда бог горы Фудзи ответил: «[Сейчас] у нас праздник нового урожая, и мы не хотим, чтобы был кто-либо посторонний. Сегодня мы не можем приютить вас». Бог прародитель заплакал от досады и [начал] браниться [и проклинать]: «Я — твой отец. Почему ты не хочешь дать мне ночлега? Пусть же гора, где ты живешь, будет бесплодной, пусть зимой и летом идет снег, садится иней и всегда будет холодно, пусть сюда не поднимаются люди, и никто не приносит тебе пищи».

Затем он поднялся на гору Цукуба и опять попросил ночлега. Бог горы Цукуба на это ответил: «Хотя сегодня мы и вкушаем новое зерно, но мы не можем не уважить вашей просьбы». Он принес кушанья и почтительно подал их [богу]. Бог прародитель возрадовался и запел: «Мои милые дети! Пусть ваш храм будет прекрасным, и [я желаю], чтобы так было вечно, как небо и земля, как солнце и луна, чтобы люди, собравшись, веселились, чтобы еды и питья было много, чтобы веселье не прекращалось века, и чтобы день ото дня все процветало. Пусть всегда [у вас] будет радость».

Поэтому на горе Фудзи всегда идет снег и подняться на нее невозможно, а на горе Цукуба собирается много людей. Они поют и пляшут, едят и пьют, и это не прекращается и до сих пор. (Пер. К. А. Попова, см.: [Попов 1969: 34].)

Подобно тому, как есть приветливые, а есть негостеприимные горы, так и отдельные камни могут приносить благо, а другие — смерть. Из последних более других известен сравнительно небольшой валун, который так и называется: Убивающий Камень (*сэссё сэки* 殺生石). Он нахо-

дится в Национальном заповеднике Никко (префектура Тотиги), в местности, которая в древности называлась поля Насу. Сейчас к этому камню проложена туристская тропа, на которой всегда видны любопытные, а в свое время считалось, что камень приносит смерть всякому, кто до него дотронется. В средневековых рассказах отоги-дзоси этот камень связывали с именем Тамамо-но Маэ, наложницей императора Коноэ, который правил в середине 12 в. Император был без ума от ее ума и красоты, пока не заболел и стал чахнуть. Гадатель Абэ-но Ясутика установил, что его любимая наложница — на самом деле зловредная лиса-оборотень, которая выпивает все жизненные силы императора. Решено было ее немедленно убить, но Тамамо-но Маэ обернулась лисой и ударилась в бег. Великий воин Миура-но Осукэ настиг ее на равнине Насу и убил стрелой. Тело лисы превратилось в камень, а ее злокозненный дух (*ходзи*) стал жить в нем, убивая всякого, кто до камня дотронется. Так продолжалось какое-то время, пока буддийский монах Гэнно не остановился на ночлег по соседству с этим камнем. Злой дух пообещал убить его, но монах убедил ходзи исправиться и проделал очистительные ритуалы. С тех пор истребительная сила Убивающего Камня больше себя не проявляла. История эта была весьма популярна в течение сотен лет. На основе ее сложили пьесу для театра Но, которая так и называлась — «Сэссё сэки», и несколько позже — другую, для театра кабуки, под названием «Тамамо-но Маэ». Кроме того, поэт Басё в своем путевом дневнике «По узким тропинкам Севера» описывал свое посещение этого камня. «Камень Смерти лежит у горы, где бьет горный ключ. Его ядовитые пары еще не исчезли. Всякие бабочки и пчелы гибнут и так устилают все кругом, что под ними не видно песка» [Басё 2006: 32]. Таким образом делается понятным, что для представлений о смертельной силе камня был свой резон: он находился в местности, где

Илл. 8. Указатель к Убивающему Камню Сэссо сэки в Национальном парке Никко

бывала вулканическая деятельность и где выходявшие из расселины в камне сернистые газы отравляли все живое. Такого рода мифологизация поюсторонней природной или социальной основы вообще характерна для японского мифопоэтического мышления (илл. 8).

Камни могли быть убивающими, а могли быть и спасающими от

смерти, и даже рождающими. К таковым относится Плачущий-в-Ночи Камень (*Ё наки уси* 夜泣石), который лежит близ дороги Токайдо — старинного тракта, соединявшего новую Восточную столицу Эдо со старым столичным городом Киото. Согласно легенде, ночью к станции Хисака, что близ перевала Накаяма в провинции Энсю, подходила одинокая, глубоко беременная, путница. На нее напали грабители и зарубили мечом рядом с большим камнем. Через какое-то время там проходили люди и слышали плач ребенка. Посмотрели — увидели труп беременной женщины, в чреве которой был живой младенец. Поскольку сам он подать сигнал еще не мог, за него плакал камень. Об этой истории рассказал популярный писатель Кёкутэй Бакин (1767–1848) в повести «Камень доносит эхо оставленного» (*Сэкигэн икё* 石言遺響, 1805). Этот камень с силуэтом младенца на нем изобразил в своем знаменитом иллюстрированном каталоге разнообразных духов Торияма Сэкиэн (илл. 9) [Торияма 2010: 175], а также Хиросигэ в серии «53 станции Токайдо». Сейчас Плачущий-в-Ночи Камень покоится на пьедестале у храма Хакусан в городке Курода.

Илл. 9. Торияма Сэкиэн. Плачущий-в-Ночи Камень. 1780

Илл. 10. Неизв. художник. Бог Касима
Даймёджин прижимает подземного сома запираю-
щим камнем Канамэ иси. 1855

его обычно называют Великий светлейший бог Касима (Касима Даймёджин) с помощью этого камня усмирил гигантского сома, который живет под землей и, ворочаясь, вызывает ее сотрясения. После сокрушительного землетрясения эры Ансэй (1855) в Эдо (ныне Токио) огромное распространение получили гравюры, чаще всего не подписанные художником, с любопытным сочетанием назначения: отчасти они служили оберегами, а в немалой степени были юмористическим снижением связанных с землетрясением реперкуссий. Считалось, что Запирающим камнем бог Касима придавливает голову сома, буквально «запирая» его (илл. 10).

Камень Канамэ иси выступал объектом поклонения. В ряде картин изображались толпы молящихся этому камню, при этом молящиеся разделялись на две группы: тех, кто страдал от землетрясений, и тех, кто так или иначе от них выигрывал (строители, изготовители посуды, проститутки, врачи и т. п.). На их моления Канамэ иси отвечал: «Не беспокойтесь! Если [земля] хоть на вершок двинется, я отомщу» (илл. 11).

Интересно, что существует реальный камень, который почитается как Канамэ иси. Он находится в Касима-мико дзидзя, что естественно, в городке Минамисома префектуры Фукусима. Он представляет собой не-

Камни могут быть просто застывшим во времени воплощением живых существ — например, символов долгой жизни журавля и черепахи. Например, два таких камня служат объектом поклонения в большом храмовом комплексе бога Хатимана в Камакура. Иными словами, камень может пониматься как конкретное метафизическое воплощение отвлеченных мифологических представлений.

В продолжение предыдущего — камня, спасающего жизнь, следует упомянуть Камень, Усмиряющий Землетрясения Канамэ иси 要石. Буквально канамэ иси означает «запирающий», или «осевой камень». Согласно преданиям, бог Такэмикадзути-но микото из святилища Касима — отчего

большой полусферический камень (около 40 см в диаметре), большая часть которого, как считается, уходит глубоко под землю. Уместно заметить, что Минамисома находится всего в 25 км от атомной электростанции, разрушенной в Землетрясении Тохоку в марте 2011. Канамэ иси не сильно помог: городок был сильно разрушен и частично принудительно выселен.

Илл. 11. Неизв. художник. Канамэ иси эры Ансээн. 1855

Одним из самых интересных видов живого камня является, пожалуй, *садзарэ иси* さざれ石 или 細石, буквально «галька» или “microliths”, однако под этим названием понимается специфическое каменное образование, состоящее из множества мелких камешков, объединенных породой другого (более мягкого обычно вида) в большие валуны. В Японии считается, что садзарэ иси растут: мелкие камешки соединяются вместе и намертво прирастают друг к другу, и — в противоположном движении изнутри наружу. Объединение таких камешков порождает из себя новые молодые камешки. Геологической природе садзарэ иси посвящена статья Хироюки, в которой, впрочем, немного говорится и об исторических упоминаниях этих камней [Судзуки 2003] (илл. 12).

Огромная роль, которая отводится в японском культурном сознании «живым» или растущим камням лучше всего может быть проиллюстрирована на примере садзарэ

Илл. 12. Садзарэ иси в святилище Цуругаока, префектура Гифу

иси. Этот камень является воплощением духа единства японского народа и необходимости консолидации общества под эгидой государства. Степень высокой социальной когезии (семейной, клановой, общинной, вплоть до общенациональной) в Японии на всем протяжении ее истории хорошо известна. И неслучайно крепкий валун, состоящий из множества впаивших друг в друга нераздельно-неслиянных камешков, стал символом единства общества. Образ садзарэ иси был выбран для слов государственного гимна Японии. Кстати, это самый короткий, а также самый древний из всех ныне существующих национальных гимнов — я говорю о словах; что касается музыки, то ее сочинили лишь в конце 19 в.³ Мотив вырастания маленького камешка в скалу встречается дважды в тексте поэтической антологии «Кокинсю» («Собрание старых и новых песен») начала 10 в. Сначала — в Предисловии, написанном составителем антологии Ки-но Цураюки, который говорит о радости по случаю превращения малого камешка в скалу, а потом — в танка № 343, с которой начинается седьмой свиток антологии — «Величальные песни» (повод для сочинения и автор этого пятистишия неизвестны). Текст, используемый в гимне, оказался слегка изменен в первой строке, вместо «вага кими» — «кими га ё»:

君が代は	Кими га ё ва	Государь, да продлится твой век
千代に八千代に	ти ё ни, яти ё ни	Тысячу и восемь тысяч
細石の	садзарэ-иси но	поколений
巖と態て	ивао то нари тэ	До того, как камешки
蘚の産す迄	кокэ но мусу	Скалою не станут,
	мадэ	И мох на ней не родится.

Зримый образ государственного единства наилучшим образом воплотился в растущем живом камне, который в свою очередь символизирует государя, каковой метонимически репрезентирует собою весь народ. При этом следует помнить, что в Японии не существует одного главного или официального садзарэ иси — по стране разбросано некоторое их количество (которое никто не подсчитывал), и большая их часть опоясана священными веревками, напоминающими о сакральном статусе этого камня.

Я не буду специально останавливаться на поэтике и символике сада камней, существующих с 15 в. в дзэн-буддийских монастырях, — в данном тексте речь идет о синтоистском субстрате японской культурной традиции. Однако нужно отметить, что и в буддийские сады проникли представления о растущих камнях садзарэ иси. Так, например, в саду при дзэнском храме Сюнко-ин в Киото на ровной поверхно-

³ См. новейшую статью о музыкальной истории гимна [Клобукова (Голубинская) 2015].

сти, образованной мелкой галькой и символизирующей морскую рябь, покоятся два покрытых мхом камня садзарэ иси. Своей формой и взаимоположением они воспроизводят небольшие острова в заливе Исэ — той местности, где находится главное синтоистское святилище богини Аматаэрасу (илл. 13).

Илл. 13. Сад с садзарэ иси при храме Сюнко-ин в Киото

Во многих синтоистских святилищах хранятся камни, называемые Легко-тяжелый Камень (*омокару иси* 重軽石) или Камень Силы (*ти-кара иси* 力石). Они связаны с и по сей день популярным ритуалом гадания по весу камней. Например, в главном святилище лисьего бога Инари, Фусими Инари дзиндзя, есть два округлых камня, которые паломники поднимают, предварительно помолившись, загадав желание и представив примерный вес камня. Если поднять его окажется легче, чем предполагалось, желание сбудется, если тяжелее — наоборот. Этот обычай восходит к преданиям, согласно которым один и тот же камень мог быть в разные дни легче и тяжелее — в зависимости от того, в каком настроении пребывал бог, населявший этот камень. Гадательная практика, основанная на поднимании камней, известна с архаической древности и зафиксирована в поэтической антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», 759 г.) как *иси ура* (гадание по камню 石占). В длинном причитании принцессы Ниу, сложенном по получении ей известия о смерти принца Ивата («Манъёсю», 4:420) говорится:

И на перекрестках всех
 Я гадала б ввечеру,
 И на камешках в пути
 Я гадала бы о нем...

(пер. А. Е. Глускиной)

В оригинале лаконично стоит *иси ура мотитэ* (石卜以而) — «камнем/на камне/камнях гадала б...». Точная процедура такого гаданья неизвестна, но, возможно, это было связано с загадыванием желания и подниманием. Камень (камешки), будучи *иси гами* (божеством в камне) мог сообщать свой ответ изменением веса. А меняют вес — худеют и толстеют — только живые существа.

В виде заключения довольно будет сказать, что в Японии существуют не просто мифологические предания о живых камнях. Там живет и живая вера в живые камни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Басё: 2006, *По тропинкам Севера* / Пер. с япон. В. Марковой, Н. Фельдман, Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Попов К. А.: 1969, *Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн)* / Пер., предисл. и коммент. К. А. Попова, Москва: Наука, 1969.
- Клобукова (Голубинская), Н. Ф.: 2015, 'Государственный гимн Японии: история создания и ее загадки', *История и культура традиционной Японии*. Том 8 / *Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности*, Санкт-Петербург: Гиперион, вып. LVII, 338–352.
- Ермакова, Л. М.: 1997, *Нихон сёки. Анналы Японии* / Перевод, предисловие и комментарии Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова, Санкт-Петербург: Гиперион, тт. 1–2.
- Судзуки Хироюки: 2003, '«Садзарэ иси-но юраи то тисицугаку-тэки косацу»', *Тикю Кагаку*, 鈴木博之「さざれ石」の由来と地質学的考察 // 地球科学 <Историческое и геологическое исследование садзарэ иси // Журнал «Земные науки»>, № 57, 243–252.
- Торияма Сэкиэн 鳥山 石燕.: 2010, *Гадзу хякки яко дзэн гасю* 画图百鬼夜行. (Ночные прогулки сотен демонов), Токио: Кадокава сётэн.
- Янагита Кунио 柳田國男: 1910, *Исигами мондо* («Беседы о Камнях-божествах» 石神問答). Токио: Дзюсэйдо.
- Kojiki: 2005, Translated by Basil Hall Chamberlain, Rutland (Vermont), Tokyo: Tuttle Publishing.
- Caillet, Laurence: 1997, 'Ties of Blood and Earth in Japan', *The Link with Nature and Divine Mediations in Asia* (Special issue of *Diogenes* #174).

ХРОНИКА

«Живой камень в картине мира: от минералогии к мифопоэтике»

(Материалы исследовательского семинара
Института мировой культуры
МГУ им. М. В. Ломоносова)*

В сентябре 2013 г. Институтом мировой культуры был организован круглый стол, посвященный проблематике «живого камня» в картине мира¹. В дальнейшем, обсуждение основных тем нашло отражение в докладах, представленных участниками исследовательского семинара «Живой камень в картине мира: от минералогии к мифопоэтике» (ноябрь 2013 г. — ноябрь 2015 г.).

* * *

Штейнер Е. С., доктор искусствоведения, профессор, НИУ ВШЭ
КАМЕНЬ В ЯПОНСКОЙ ТРАДИЦИИ
(21 ноября 2013 г.)

В докладе было затронуто все многообразие японского романа с камнем, от фольклорных камней-убийц до настольных камней в кабинетах ученых. Как было отмечено автором доклада, мифологема камня является одной из наиболее значимых в японской традиции. Меняющие свой облик камни фигурируют в креационных мифах Японии; человеческая красота (или ее отсутствие), равно как и продолжительность человеческой жизни связываются с камнями; в камнях обитают божества и живут души. Камни занимают особое место в классической поэзии и живописи, а также символизируют собой все мироздание в садах камней.

* Материал подготовлен при поддержке гранта РНФ по проекту 14-18-02194 «Живой камень: от минералогии к мифопоэтике».

¹ Вальков Д. В., Зайонц Л. О. «Живой камень в картине мира: от минералогии к мифопоэтике» (материалы круглого стола, Москва, 12 сентября 2013 года) // Антропология культуры. Вып. V. М., 2015. С. 440–443.